

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ СИЛОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В.В. Колотуша

Российское философское общество
Смоленский бульвар, 20, Москва, Россия, 119002

В статье предпринята аналитическая и оценочная квалификация понятия силового принуждения. Автор придерживается точки зрения, согласно которой не всякое применение силы можно отнести к насилию, а некоторые действия без признаков применения силы могут быть насильственными. Силовое принуждение определяется как необходимый вид социального управления, основанный на применении или угрозе применения силы.

Новизна и глубина социальных изменений, происходящих в современном мире, порождает необходимость их философского осмысления, что находит свое отражение в приросте социально-философского знания, выявлении новых закономерностей общественного развития, обновлении содержания имеющихся и введении новых категорий. При этом возникает необходимость заимствования с последующим переосмыслением некоторых терминов в пограничных разделах философского знания и в смежных отраслях гуманитарного и социально-экономического знания. Выявлению актуального смысла понятия силового принуждения могут способствовать не только обращение к соседним разделам и дисциплинам, но и историко-философская реконструкция близких по смыслу понятий, а также уточнение его содержания через понимание его особенностей в современных условиях.

Попытки разграничить различные типы применения силы в отношениях между людьми предпринимаются давно. Наиболее часто для обозначения такого рода отношений используют термин «насилие», реже — «принуждение», иногда просто — «применение силы». Последний термин вполне употребим в контексте, но сам по себе амбивалентен, так как им обозначают воздействие на самый широкий спектр объектов человеческих усилий. Анализ различных работ позволяет сделать вывод о том, что во многих случаях термины «принуждение» и «насилие» применяются как синонимы. Иногда насилие определяется через принуждение, иногда, наоборот, принуждение — через насилие. Опираясь на анализ использования

понятия насилия как понятия социальной философии, автор считает возможным констатировать, что наряду с частым его использованием оно до сих пор не обрело достаточной определенности. Это связано еще и с тем, что осмысление самого феномена применения силы как разновидности социального управления остается по-прежнему актуальной задачей социальной философии. Само слово «насилие» настолько многозначно, что, по сути, не может претендовать на терминологический статус, по крайней мере, в рамках социально-философского знания, несмотря на то, что сама «проблема социального насилия одна из популярных в гуманитарном знании и ее решение осуществлялось в очень широком диапазоне аспектов и подходов» [3. С. 6]. И еще одно существенное обстоятельство вызывает необходимость введения нового термина: издавна в обществе существуют группы вооруженных людей, которые состоят на службе у государства, профессиональная деятельность которых состоит в силовом принуждении. Априорно обозначать их усилия термином «насилие» (пусть даже термином «легитимного физического насилия», предложенного М. Вебером) было бы разрушительно и для них самих, и для государства и общества, ибо в их составе должны находиться лишь те, кто настолько не приемлет насилие, что готов пожертвовать для его пресечения даже своей жизнью (1).

Большинство авторов любое применение силы в отношениях между людьми, а зачастую и другие взаимодействия без применения силы, обозначают как «насилие». Зачастую то или иное использование терминов тесно взаимосвязано с позицией различных мыслителей относительно применения силы в отношениях между индивидами и социальными группами. Существует интеллектуальная традиция безусловного осуждения любого применения силы. Наиболее ярко эта традиция отстаивалась в работах Л. Толстого, М. Ганди, М.Л. Кинга, Г. Торо, Д. Шарпа и ряда других авторов. Заметим, что работы названных мыслителей имеют ярко выраженную этическую направленность. Безусловно, насилие заслуживает всяческого осуждения, от кого бы оно ни исходило — от преступников или от людей, облеченных государственной властью. Условиями нормального функционирования общества является всяческое противодействие насилию, попыткам его пропаганды, создание общественной атмосферы, отвергающей насилие. И в этом смысле заостренное неприятие насилия и противопоставление ему ненасилия заслуживает поддержки и уважения. При этом большинством перечисленных авторов ненасилие понимается как специфический способ противостояния злу, ненасильственного сопротивления (2). Вместе с тем, прежде чем безоговорочно поддерживать ненасильственное сопротивление, представляется необходимым ответить на вопрос: «Ненасильственное сопротивление кому или чему?» Например, Л.Н. Толстой и Г. Торо призывали бороться не только против тех или иных установлений государства, с которыми они не соглашались, но и нередко фактически против государства как такового. Безусловно, некоторые их идеи явно противоречат объективным законам общественного развития и могут быть истолкованы как своего рода обскурантизм.

Представляется обоснованной точка зрения, согласно которой не всякое применение силы можно отнести к насилию и далеко не всегда те, кто призывает

к ненасильственным действиям, преследуют бескорыстные либо социально полезные цели. Есть существенная разница не только между скальпелем в руках хирурга и ножом в руках нападающего, но и ножом в руках грабителя и ножом в руках защитника сограждан, активно сопротивляющегося насилию. Ненасильственное сопротивление вполне оправдано как противодействие дискриминации кого бы то ни было, как отпор попыткам узурпации власти и т.п. Однако следует признать, что ненасилие как ненасильственное сопротивление в ряде случаев направлено на извлечение односторонних выгод. Неслучайно ненасильственная риторика взята на вооружение теми, кто под видом «цветных революций» осуществляет операции по смене политических режимов, негодных их инициаторам. Или, например, имели место случаи, когда некоторые забастовки работников наемного труда были инспирированы организованной преступностью с целью шантажа предпринимателей или криминального перераспределения собственности. Оговоримся, что это совсем не означает, что не заслуживает уважения справедливая забастовочная борьба или политические манифестации, направленные, например, против злоупотреблений различных государственных чиновников. Однако всем известно, что редко кто публично осмелится одобрительно высказаться относительно лозунга «цель оправдывает средства», но и безусловная апологетика ненасилия как активного сопротивления без применения силы может быть истолкована как защита позиции, суть которой состоит в том, что, наоборот, «средства оправдывают цель».

Важнейшим источником для выявления концепта силового принуждения являются идеи И. Канта, который ввел в философский оборот понятие принуждения. И. Кант однозначно указал на взаимосвязь права с принуждением и государством, выявил их неразрывный характер. Кроме того, родоначальник немецкой классической философии, пусть в неявной форме, разграничивал правовое принуждение и принуждение, не являющееся правовым. Право, по Канту, необходимо связано с принуждением, причем заботой внешней карающей власти должны быть не пороки, а только преступные деяния индивидов, конфликтные отношения между ними. Право ограничивает внешние действия индивидов, их произвол в отношении друг к другу, и лишь для этого нужна его принудительная сила. В свою очередь, дать праву побудительную силу способно лишь государство, под которым Кант понимал «объединение множества людей, подчиненных правовым законам» [3. С. 233]. Право определяется Кантом как всеобщее взаимное принуждение, совместимое со свободой каждого. Он отождествляет право и правомочие принуждать. По Канту, право не только взаимное, но и равное принуждение [3. С. 139—142]. По-видимому, свобода, право и принуждение рассматривались Кантом как взаимосвязанные явления: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой других, насколько это возможно по некоторому общему закону; а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным такое полное согласие. А так как всякое ограничение свободы произволом другого называется принуждением, то отсюда следует, что гражданское устройство есть отношение между свободными людьми, которые, однако, ... подчинены принудительным законам» [3. С. 78].

Таким образом, Кант всякое ограничение свободы произволом другого называл принуждением. Но, согласно Канту, не всякое ограничение может быть правовым, а только такое, при котором «произвол одного лица совместим с произволом другого». По Канту, правовое принуждение не есть подчинение одного лица произволу другого, а подчинение закону одного с помощью другого, правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб праву, воспрепятствование препятствию для свободы [3. С. 139—141].

Значительный вклад в разработку концепции феномена, обозначенного нами как силовое принуждение, внес выдающийся русский философ И.А. Ильин. В трактате «О противлении злу силою» он предложил понятие «заставление», выделив его типы: предосудительное заставление (насилие) и непредосудительное заставление (понуждение, пресечение). Заставлять других, по Ильину, «возможно только в психическом и в физическом порядке» [2. С. 270]. Ильин психическое заставление отождествлял с психической изоляцией и угрозой (в чем бы она не состояла). Наша позиция в данном случае не совпадает с позицией Ильина, так как угрозы различаются между собой и не все из них можно отнести к «психическому заставлению». Если в рамках оговоренных законом условий и наших договорных отношений (т.е. не по произволу) работнику угрожают увольнением или снижением денежного содержания — это одно, а если человеку грозят убийством или взрывом его дома — это другое. В первом случае у него есть выбор пересмотреть отношения с работодателем, уволиться и не взаимодействовать с ним и далее действовать по своему усмотрению. Во втором случае, если человек начнет действовать по своему усмотрению, несмотря на угрозу, не исключено, что угроза воплотится в жизнь. Несмотря на различие между экономическим (несиловым) принуждением и силовым принуждением, границу между двумя этими типами принуждения бывает установить достаточно сложно. Особенно это характерно для тоталитарного общества. Если поэт или прозаик в таком обществе, например, не стал членом союза писателей, то он — тунеядец, и, следовательно, подлежит уголовному наказанию. Если кто-то не смог завести семью и детей, то обязан платить налог за бездетность. Да и в обществах, где рыночные и правовые институты не устоялись, не являются редкостью безнаказанные случаи произвола предпринимателей по отношению к наемным работникам, покушения на их честь и достоинство, которые трудно бывает отнести к экономическому, а не силовому принуждению.

И.А. Ильин делил физическое заставление на «физическое принуждение» и «физическое понуждение». В конечном счете, к основным видам заставления он отнес «самопонуждение, самопринуждение, психическое понуждение, физическое понуждение и пресечение» [2. С. 272]. Автор статьи, в отличие от И.А. Ильина, не относит к силовому принуждению случаи самозаставления или самопринуждения и, наоборот, некоторые случаи психического заставления относит к силовому принуждению. Силовое принуждение может носить и понуждающий характер, способствуя потенциальному преступнику встать на путь исправления и решиться на взаимовыгодные отношения. Силовое принуждение может носить и пресекающий характер в случае, когда дается силовой отпор тому, кто уже со-

вершает преступление или агрессию. В большинстве случаев оно ограничивается тем, что И.А. Ильин называет психическим заставлением, то есть угрозой действия, а не самим действием, тем самым сковывая волю преступника или агрессора страхом неотвратимого возмездия. Патрулирование улиц полицией, успешные пуски баллистических ракет в заданный район, военные учения и парады в значительной мере преследуют именно такую цель.

Рассматриваемая нами проблематика находит свое отражение и во многих работах современных авторов, которые также являются важным источником экспликации концепта силового принуждения. Особенно это относится к работам по этике. Среди современных отечественных философов наиболее весомый вклад в разработку этического учения о насилии и ненасилии внес академик А.А. Гусейнов. В концентрированном виде его взгляды на эту проблему представлены в статье «Насилие», включенной в новую философскую энциклопедию. Насилие, по Гусейнову, — общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность. Насилие Гусейновым определяется как разновидность властных отношений. К насилию он вполне оправданно не относит правовое принуждение и патернализм. При этом патернализм определяется им как господство зрелой (взрослой) воли над незрелой (детской). Оно, по Гусейнову, является отеческим и будет со временем одобрено тем, к кому такая власть применялась. Правовое принуждение же имеет источником предварительный договор. Эти два вида принуждения, по Гусейнову, имеют между собой то общее, что на них может быть получено (или могло быть получено) согласие тех, против кого оно направлено [2. С. 14].

А.А. Гусейнов относит к насилию в собственном смысле слова «действие, на которое не может быть получено согласие тех, против кого оно направлено, ибо оно не считается с их целями, правами, интересами» [2. С. 14]. Придерживаясь в целом этой точки зрения, автор статьи хотел бы внести некоторые уточнения и собственные дополнения к предьявленной позиции. При определении насилия представляется необходимым исходить не только из объекта применения силы, но и из его субъекта, из тех целей, которые он преследует, применяя силу против кого-либо. А так как цели и средства неразрывно взаимосвязаны, то не менее важны средства достижения целей при применении или угрозе применения силы. К насилию надо отнести только те случаи, когда сила применяется в корыстных целях, для достижения односторонней выгоды в ущерб объекту ее применения. Если при использовании силы исходят из якобы благих намерений, но с использованием неприемлемых средств, то мы также имеем дело с насилием. При этом специально указывается на неприемлемые средства как факты, которые можно зафиксировать, и они могут служить маркерами действительных намерений субъектов, применяющих силу. Вряд ли на оправданное применение силы будет получено согласие тех, против кого оно направлено, если объектом применения силы является агрессор или закоренелый преступник и бывает трудно при этом считаться с их целями и интересами. Согласие тут может быть своеобразным, своего рода признанием ими негативного императива, когда объект применения силы

не хотел бы, *чтобы с ним поступали так, как он поступает с другими*. При этом применяющий силу к агрессору или преступнику обязан соблюдать существующие нормы и ограничения применения силы, уважать его человеческое достоинство и т.д.

Социальные философы, придерживающиеся деятельностной парадигмы, к обязательным типам совместной деятельности людей наряду с материальным производством, духовной и социальной деятельностью относят и организационную деятельность, необходимым подтипом которой является социальное управление (3). Представляется, что социальное управление обязательно предполагает силовое принуждение, хотя не сводится лишь к нему. Важнейшими способами социального управления являются убеждение и принуждение. Принуждение может быть как силовым, а может и не опираться на применение силы. Отличительным признаком силового принуждения является угроза нанесения или нанесение прямого ущерба тому, против кого оно применяется. Как принуждение, так и убеждение (понимаемое в широком смысле как внешне непринудительное воздействие, включая сюда различного рода манипуляции) могут быть предосудительными и непредосудительными, правовыми и выходящими за рамки, очерченные правом. К насильственному можно отнести лишь такое воздействие, которое направлено на получение односторонней выгоды его субъектом в ущерб тому, к кому оно применяется. Примерами такого, пусть и скрытого, насилия могут быть, например, массовые сеансы гипноза различных экстрасенсов с помощью телевидения, другие подобного рода внушения, заведомо ложная реклама в средствах массовой информации и т.д. К сожалению, рамки статьи не позволяют привести развернутую аргументацию данных суждений, как и подробно описать соответствующие разновидности способов социального управления (4).

Итак, силовое принуждение есть социальное управление посредством применения силы или угрозы ее применения. Применение силы означает нанесение прямого ущерба здоровью (вплоть до лишения жизни), материальным условиям существования людей, ограничение свободы их передвижения и других законных прав. Силовое принуждение осуществляется, как правило, с использованием физической силы, в основном вооруженной, или путем угрозы ее использования, и имеет целью подавить или подчинить волю тех людей, против которых оно направлено. Оно бывает насильственным (неправовым) и ненасильственным (правовым). Насильственным (неправовым) является только такое силовое принуждение, которое носит незаконный характер, применяется в противоправных целях либо осуществляется незаконными средствами. На него никогда даже гипотетически не может быть получено согласие объекта силового принуждения. Ненасильственное, правовое силовое принуждение — это применение силы для защиты права, поддержания отношений взаимовыгодного обмена, солидарности и справедливости. На такое применение силы может быть получено согласие объекта силового принуждения хотя бы в принципе, например, в виде приведенного выше негативного императива. Объектами такого принуждения могут быть преступные группы и индивиды, государства и коалиции государств, осуществляющие агрес-

сию или ведущие к ней подготовку. Силовое принуждение можно классифицировать и по другим основаниям. В частности, можно выделить такие виды силового принуждения, как легитимное и нелегитимное, государственное и негосударственное, прямое и косвенное. Силовое принуждение может быть превентивным и ответным, наступательным и оборонительным.

По мере усложнения общественной жизни, расширения спектра необходимых условий существования человека растет и объем потенциального ущерба, который можно ему нанести, что не может не найти отражения и в содержании понятия силового принуждения. В условиях становления информационного общества к силовому принуждению может быть отнесено, например, электронное проникновение к массивам конфиденциальной информации, преднамеренное уничтожение чужих информационных ресурсов и т.д. И хотя четкую границу между силовым и несиловым принуждением порой провести достаточно сложно, однако очевидно, что объект, например, экономического принуждения не подвергается целенаправленно тем воздействиям, которые были описаны выше, поступает по своей воле, хотя и вопреки своим предпочтениям (5).

В завершение статьи хочется отметить, что предложенное в ней понятие силового принуждения рассматривается автором как необходимый, но предварительный шаг к построению соответствующей социально-философской концепции, опирающейся на зарекомендовавший себя метод восхождения от абстрактного к конкретному.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Не случайно в юриспруденции, в нормативно-правовых документах термин «насилие» используется только для обозначения неправомερных действий.
- (2) См. напр. *Шарп Д.* Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов? Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. — М.: Республика, 1992. — С. 200—211.
- (3) См. напр. *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию. — М.: Высшая школа, 1997. — С. 340.
- (4) См. подроб. *Колотуша В.В.* Силовое принуждение: сущность, структура, тенденции. — Голицыно, 2008.
- (5) В настоящее время мы являемся свидетелями наступления этапа, когда на смену так называемому экономическому принуждению постепенно приходит непринудительный тип взаимодействия экономических субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вебер М.* Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [2] *Гусейнов А.А.* Насилие // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. — М., 2001. — Т. 3. — С. 14—16.
- [3] *Ибрагимов Р.Н.* Социальное насилие: феномен, проблема. — Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2001.
- [4] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. Работы разных лет. — СПб.: Издательство «Библиополис», 2006.
- [5] *Кант И.* Соч. в 6 т. — М.: Мысль, 1966. — Т. 4. — Ч. 2.

THE CONCEPT OF FORCE COMPULSION

V.V. Kolotusha

The Russian philosophical society
Smolensk parkway, 20, Moscow, Russia, 119002

The article is devoted to revealing of the contents and substantiation of necessity of the concept of force compulsion, offered by the author. The author adheres to the point of view, according to which not any application of force can be attributed to violence, and some actions without attributes of application of force can be violent. In the article the author's definition of concept of force compulsion as necessary kind of social management based on application or threat of application of force is given.